

СОЧЕЛЬНИК 1932 ГОДА

*Felose**

Пытаясь согреться, Саверио Армандонада просунул руки под стоявший у него на коленях жестяной судок с обедом. Трамвай отъехал от остановки на Честер-стрит и направился к заводу «Ривер Руж».

Неделю назад мать связала Саверио на шестнадцатилетие коричневые шерстяные перчатки. У перчаток не было подкладки, и лежавшему на дне судка горячему, только что из печи, пирожку в тряпице предстояло греть пальцы. Пока Саверио не сядет в открытый грузовик, развозящий рабочих по цехам.

Трамвай грохотал в синеватой предрассветной мгле по заснеженным улицам Южного Детройта. То и дело он останавливался, подбирая новых пассажиров, пока все вагоны под завязку не заполнились мужчинами, создававшими автомобили для Генри Форда.

По утрам в трамвае пахло чистотой — борным порошком, кастильским мылом, хлорным отбеливателем. Джинсы, фланелевые рубашки, белье, носки, парусиновые комбинезоны и рабочие фартуки мужчин были отстираны и отутюжены либо дома матерями и женами, либо прачками в общежитии. А на обратном пути в вагонах уже разило как в раздевалке.

Утром пассажиры ехали серьезные, как на литургию, а вот вечером, после десятичасовой смены, вагоны звенели весельем, смех и шутки пробивались сквозь висевший в воздухе густой дым от самокруток и пятицентовых сигар.

Хотя Саверио сравнительно недавно работал на заводе Форда, однако, проведя на конвейере неполный год, он уже начал

* Бурно, дико, неистово (*ит. муз.*).

кое в чем разбираться. Например, он мог отличить кафельщиков от сталерезов, кладовщиков от рудокопов, докеров от электриков. Кочегаров, заправлявших коксовые печи, выдавали согнутые спины; ладони с въевшейся черной металлической стружкой — инструментальщиков, а ремесло стеклодувов навеки отпечатывалось на их лицах: резиновый ободок защитных очков оставлял на лбу глубокую морщину. За свою жизнь Саверио успел насмотреться на этот отличительный знак: Леоне, его отец, работал стеклодувом на заводе «Ривер Руж» с 1915 года.

Но Саверио умел не просто определить по виду, кто чем занимается, — он знал, на какой работе специализируется каждая национальность. Немецкие иммигранты собирали моторы, а югославы их устанавливали. Итальянцы склонялись к столярному делу, работе со стеклом и, вместе с чехами, к инструментам и штампам. Поляки отвечали за формовку стали, загрузку горнов и любую работу с огнем. Албанцы трудились у коксовых печей, венгры грузили тяжести и обслуживали конвейеры и мосты. Ирландцы были специалистами по установке электропроводок, коробок передач и радиаторов. Шотландцы виртуозно приделывали петли, паяли и подрезали.

Обивка, настилы и подножки были в ведении финнов, норвежцев и шведов; речными доками, в том числе отгрузкой и доставкой товаров, а также спуском судов, заправляли греки. Турки и ливанцы шили матерчатые тенты и мелкие детали внутреннего убранства. Местные чернокожие, жившие в самом сердце города, трудились на цианидной плавильне, а еще управляли железной дорогой на территории завода и чинили ее при надобности. Это была обширная система, одних только паровозов шестнадцать штук, а рельсов в общей сложности сто миль. Поезда прибывали, груженные углем и железной рудой для производства стали, и уходили, увозя на продажу по всему миру изготовленные на заводе автомобили.

А руководили всем американцы из семейств английского происхождения, некогда прибывших на «Мейфлауэре»*. Рабо-

* «Мейфлауэр» — английское судно, на котором англичане, основавшие одно из первых поселений в Северной Америке, в 1620 году пересекли Атлантический океан. Впоследствии потомки этих первых колонистов позиционировались как своеобразная американская аристократия. — *Здесь и далее примеч. перев.*

чие с конвейера называли их «студентами» независимо от того, сколько десятков лет начальство уже не ступало ногой в университет. Сто тысяч мужчин ежедневно входили в ворота завода «Ривер Руж»: рабочие — шесть дней в неделю, начальство — пять.

Вот и сейчас ворота раздвинулись, пропуская набитый рабочими головной трамвай, в котором сидели Леоне с Саверио. Следом потянулись остальные части каравана. Под пронзительный звук свистка двери вагонов раскрылись перед перроном. Мужчины вылились потоком, поспешно пересекли перрон и полезли в грузовики с открытыми кузовами, которым предстояло развезти их по местам.

Леоне последним запрыгнул в уже переполненный кузов. У отца Саверио были мощные плечи отделочника, а силищи хватало, чтобы самостоятельно поднять кабину автомобиля. Он обернулся, выудил сына из толпы и опустил его рядом с собой, будто мешок яблок.

— Подождете, — отмахнулся Леоне от оставшихся на перроне, задвинул решетку и запер задвижку на борту кузова, загораживая путь новым пассажирам.

Народ заворчал, но никто не осмелился прямо возражать этому силачу.

Саверио стало неловко, что отец так явно отдал ему предпочтение, пропустив впереди других. Ведь как только человек доезжал до своего цеха и компостировал пропуск, начинался отсчет рабочего времени, которое мистер Форд обязан был оплатить. Ценилась каждая минута.

Неторопливо ехавший к заводу грузовик внезапно попал в выбоину, и пассажиров тряхнуло. Саверио ухватился за решетку, чтобы не упасть. Он не очень-то свободно чувствовал себя на заводе. Порой ему приходилось трудно — везде царило соперничество, за все приходилось бороться, тяжелая нагрузка никогда не становилась легче. Ему было неуютно в толпах и казалось неловко толкаться, чтобы встать на место получше и воспользоваться случаем впереди кого-то другого. Привыкнет ли он к этому когда-нибудь? Он не любил, не умел быть частью стаи.

Порывы ледяного ветра подули с реки и закружились вокруг грузовика. Пошел снег. Саверио поднял голову, разглядывая

густые белые облака, между которыми проталкивалось на горизонте восходящее ярко-красное солнце. Игравшие на небе цвета напомнили ему сладкую *ciambella*, пышную итальянскую выпечку, залитую свежей мичиганской черешней в сладком сиропе, и он затосковал по теплым летним денькам.

Грузовик остановился у погрузочной площадки стекольного цеха, и работавшие там люди начали выходить. Порывшись в своем судке, Леоне вынул уложенный женой сверток с мелким имбирным печеньем, переложил его в судок сына и выпрыгнул из кузова. Леоне не попрощался со своим единственным ребенком, а сын не пожелал отцу хорошего дня.

Саверио проследил взглядом за фигурой отца, скрывшейся за дверями цеха. Отец помахивал жестяным судком, как фонарем. Этот беззаботный жест показался его сыну неожиданным — он редко видел отца таким.

К середине утра снег пошел густо, по-настоящему, хоть и мгновенно таял, растекаясь серебристыми струйками по стеклянной крыше цеха, горячей от работавшей под ней электрической аппаратуры. Под этим белым стеклянным потолком все, происходившее на конвейере, было видно до мельчайших подробностей. Саверио быстро промокнул лоб красным платком — его выгладила и положила ему в карман мать.

Юноша стоял у конвейера. Чтобы выполнить свою работу, ему не требовалось ни наклоняться, ни поворачиваться, ни сгибать спину, ни поднимать плечи. Ровно на уровне пояса перед ним проехал «форд V-8» модели 1932 года, и он приладил ручку на дверь водителя.

Не оставалось времени любоваться автомобилем, а жаль, тот был просто загляденье. Темно-синий кузов из мичиганской стали, салон обит черной кожей, пуговицы на изогнутых сиденьях обтянуты тем же материалом — все это представлялось Саверио вершиной шика. Он вообразил себя за рулем, в шляпе-хомбурге и пальто-дипломате, а рядом сидит любимая девушка, и он везет ее по лесам Гросс-Пойнта.

Инструмент Саверио, гаечный ключ особой модели, разработанной на заводе Форда, был отлично сбалансирован по весу. Ручку обтянули резиной, а зажим зафиксировали точно по размеру болта. Беспалая перчатка на правой руке позволяла Са-

верии точно управлять инструментом. За размещение болта и шайбы отвечал предыдущий в очереди рабочий конвейера. Мальчику оставалось приставить гаечный ключ к болту и одним плавным движением крутануть ключ до упора, до беззвучного щелчка, — это значило, что болт надежно закреплен. Едва сняв гаечный ключ с одного прикрученного болта, Саверио был готов захватить им следующий — так оно и шло, болт за болтом, минута за минутой, час за часом, девятьсот семьдесят восемь автомобилей за день, десять часов в день, шесть дней в неделю.

Теперь эта операция казалась ему простой, но поначалу конвейер вселял ужас. Саверио помнил, как втайне ликовал в свою первую рабочую неделю, когда поток останавливался, — новая работа казалась ему непомерно сложной, и он был уверен, что не справится с заданной скоростью. Рабочие насмеялись над теми, кто допускал ошибку, не давали им проходу своими шуточками. Однако вскоре благодаря упорству и усердию он овладел техникой гаечного ключа, и сейчас неполадки на конвейере только раздражали его, как и любые другие причины, по которым процесс мог встать. Он пришел сюда работать и собирался трудиться на совесть.

Рабочие с конвейера обедали в комнате для отдыха, где стояли ряды обшитых алюминием деревянных столов. Саверио втиснулся с краю скамьи рядом с отделочниками. Всегда было приятно посидеть во время получасового перерыва. Он выложил перед собой содержимое жестяного судка: увесистый пирожок, имбирное печенье, термос с яблочным соком и, вот неожиданность, теплую треугольную слойку с яблоками.

Саверио откусил от пирожка. Под тонкой корочкой обнаружилась сытная начинка — тушенная до мягкости, мелко нарезанная говяжья вырезка, полукольца томленного в сливочном масле лука, кубики моркови и толченый картофель. Он медленно пережевывал выпечку, наслаждаясь стряпней матери, — он был голоден и знал, что если есть быстро, толком не насытишься.

Потягивая теплый яблочный сок, он наблюдал за группой мужчин вокруг расположившегося за соседним столом

старика — это был торговавший вразнос ливанец. В праздники начальство позволяло коробейникам приходить на завод и предлагать рабочим свой товар во время перерывов. На прошлой неделе Саверио купил у приветливой румынской пары пачку льняных носовых платков для матери, а отцу — новую трубку и пачку табака «Блэкджек» у коробейника из Лексингтона, что в штате Кентукки.

- Что он продает? — спросил Саверио у соседа по скамье.
- Золотые украшения. У тебя есть девушка?
- Она пока не моя, — признался Саверио.
- Будет твоя, если купишь ей что-нибудь.

Доев, Саверио обтер рот, сложил салфетку и вернул ее в судок, который отправил на полку рядом с остальными. Затем присоединился к своим товарищам, разглядывавшим украшения, выставленные на черном кожаном футляре, который раскладывался, как шахматная доска.

Ровные ряды изящных золотых цепочек посверкивали на плоских бархатных подушечках. Одни были ажурные, как кружево, другие собраны из плоских чеканных звеньев, напоминавших ободок старинного кубка, третьи состояли из хрупких перекрещенных колечек, как те, что соединяли бусины четок, по которым молилась мать Саверио. На гладких деревянных стержнях красовались кольца. У коробейника нашлись и простые обручальные из желтого золота, и изысканные, усыпанные драгоценными камнями в сверкающих филигранных оправках, от разноцветных мелких агатов до блестящих овальных, квадратных либо совсем крохотных самоцветов. Было в этой россыпи что-то цыганское, но попадались и изящные украшения.

В центре футляра, в первой коробочке, выстланной черным бархатом, лежало платиновое кольцо с кружком ярко-синих сапфиров. Свет плясал на синих гранях камешков, как пляшет солнце по гребням волн на озере Гурон. Рядом было еще одно сногшибательное кольцо: граненый ободок с гроздочкой изумрудов цвета морских глубин. А при взгляде на третье Саверио пожалел, что не родился принцем. Ослепительное кольцо с сердечком, выложенным из мелких бриллиантов. Казалось, весь свет в помещении отражается в его гранях.

- Нравится сердечко? — спросил у него коробейник.

Кольцо действительно очень понравилось Саверио. Его за-
ворожили простота формы и сверкание камней.

— Если я тут и тысячу лет проработаю, — ответил он, —
оно все равно будет мне не по карману.

— Это правда. Тогда, может быть, брошку для твоей ма-
тери?

— Наверное, нет.

— Значит, тебе требуется подарок для кого-то другого, —
ухмыльнулся старик. — Для твоей девушки?

— Ага, — вздохнул Саверио. — Для моей девушки.

Он почувствовал себя немного виноватым, потому что на-
звал своей ту, которая пока ему вовсе не принадлежала, но кто
знает, если он вслух признается в своих чувствах, вдруг это сра-
ботает, станет правдой и Черил Домброски действительно од-
нажды будет его девушкой.

— А что ей нравится?

До Саверио вдруг дошло, что он понятия не имеет. Черил
была самой красивой девушкой, которую он видел в своей
жизни. В хоре церкви Святого Семейства она пела велико-
лепным сопрано. Ей было семнадцать. Она родилась второй
в большой семье польских католиков. Отец ее работал элек-
триком, братья играли в футбол. У нее были золотисто-рыжие
волосы, изящная длинная шея и голубые глаза ровно того же
оттенка, что и сапфиры коробейника.

— Если она блондинка, бери желтое золото, — продолжал
коробейник. — Брюнетка — значит, платина. Итальянские де-
вушки обожают любое золото, желтое, белое, только бы не са-
моварное.

— Боюсь, сэр, у меня не хватит денег ни на какой из ваших
товаров.

Мужчины постарше переглянулись и рассмеялись.

— Абель пойдет тебе навстречу, — заверил мальчика один
рабочий, на вид ровесник его отца.

— Правда?

Саверио посмотрел на Абеля, и тот кивнул в знак согласия,
затем спросил:

— Сколько у тебя денег?

— Я могу потратить три доллара, — решительно сказал
Саверио.

— За пять ты можешь купить вот это, — поднял Абель изящную золотую цепочку, которая сверкала, вращаясь на свету, совсем как локон Черил.

— Бери! — посоветовал ему другой рабочий. — А еще одна у вас найдется? Для моей дочки.

Абель кивнул:

— Конечно. Золото — лучший подарок, который можно преподнести молодой девушке. Это говорит о том, что ее ценят, ею дорожат, ее холят и лелеют, — произнес он нараспев, укладывая цепочку в бархатный футляр.

Рабочий протянул коробейнику пятидолларовую банкноту и спрятал коробочку в карман.

— И мне дайте такую же, — решился Саверио, доставая из заднего кармана зажим с деньгами.

Абель покачал на свету другую золотую цепочку.

— Восемнадцатикаратное золото. Прямо из ливанских гор, где я родился. Это золото пересекло два континента и один океан, чтобы попасть тебе в руки. У него особые свойства. — Абель взял у Саверио деньги и аккуратно уложил украшение в коробочку. — Понимаешь, о чем я?

— Не-а, — признался Саверио.

— Это значит, что цепочка не просто изготовлена из самого ценного металла на земле. Она обладает особой силой. Она принесет счастье тебе и той юной леди, которая ее наденет. Ты доволен?

— Если она будет довольна, я буду счастлив.

Коробейник усмехнулся.

— Все, что создано на свете человеком, создано, чтобы произвести впечатление на женщину.

— Все?

— Абсолютно. Каждое произведение искусства, украшение, песня, стихи или картина.

— А когда Диего Ривера писал свои фрески, он не производил впечатления ни на кого, кроме Эдсея Форда, — возразил Саверио.

— Мистер Форд, может, и нанял его писать фрески, но за работой Ривера думал не о своем благодетеле. Каждый раз, набирая на кисть краску, он вспоминал какую-нибудь женщину. Видишь ли, ни одна в мире статуя, мост, каменное здание или

стальной автомобиль не были изготовлены для того, чтобы прославить мужчину. О нет, их создавали, чтобы показать женщине, на что способен мужчина. Никогда не забывай: мужчина рожден, чтобы служить ей. Запомнишь это и поверишь в эту мудрость — счастливо проживешь свою жизнь и умрешь счастливым.

— Да мне бы Рождество пережить, — сказал Саверио, засовывая бархатную коробочку поглубже в накладной карман рабочих брюк. Однако, возвращаясь на свое место на конвейере, он подивился, откуда старик узнал, что Черил Домброски мерещится Саверио в кабине каждого автомобиля, которому он приделывает дверную ручку.

— Эй, Пикколо! — позвал его какой-то рабочий из задней части трамвая (то есть Малыш — так называли Саверио его товарищи). — Спой что-нибудь.

Саверио кивнул, показывая, что услышал, но петь отказался:

— Берегу голос для полночной литургии.

— А мы тут не все нынче до церкви доберемся, — признался сталерез из Третьего корпуса. — На вечер у нас запланированы картишки, так что давай, парень, спой нам.

— Ша, парни! Сынок Леоне сейчас горланить будет, — заорал другой.

— Тихо! Да заткнитесь вы! — Кафельщик стучал жестяным судком по трамвайному поручню, пока все мужчины в вагоне не замолкли в ожидании. — Давай, Пик.

Леоне Армандонада прикрыл глаза, прислонившись спиной к задней стенке вагона. Он привык к тому, что его сын часто выступает на людях. У мальчишки голос как бархат, и будь то свадьба, похороны или просто поездка на трамвае, то и дело кому-то хотелось послушать, как поет Саверио. Мужчины притихли. Стук колес о рельсы и скрип деревянного настила, когда рабочие переминались с ноги на ногу в шатком вагоне, были достаточным аккомпанементом для Саверио.

Юный итальянец прикрыл глаза и запел «Ночь тиха»*.

* «Ночь тиха» — немецкий рождественский гимн, слова Й. Мора, музыка Ф. Грубера. Цитируется в переводе Е. Перегудовой.